

Эпидемии как «разрушители досуга»: трансформация развлекательной сферы услуг в Японии во второй половине XIX века

АЛЕКСАНДРА БУРЫКИНА

Докторантка, Центр исторических исследований им. Цви Явеца, Тель-Авивский университет (TAU). Адрес: 360A Ramat Aviv, 69978 Tel-Aviv, Israel. E-mail: alexandraburykin@gmail.com.

Ключевые слова: Япония; городская культура; гравюры укиё-э; социальная история медицины; культура развлечений; эпидемия кори, эпидемия холеры, модернизация театров.

С 1858 года до середины 1880-х годов художники *укиё-э* создали немалое число гравюр, посвященных путям противодействия эпидемиологическим заболеваниям. Особенно многочисленны гравюры, посвященные профилактике холеры и кори во время эпидемий 1858, 1862 и 1877 годов. В основе нарратива этих гравюр — народные верования и общие медицинские предписания о сохранении здоровья, записанные в популярных среди простого народа памятках о «культивировании жизни» (*ё:дзё:*) конца эпохи Эдо (1603–1868). В фокусе внимания статьи — иллюстративные материалы гравюр по борьбе с холерой и корью, отражающие экономический кризис, который постиг индустрию развлечений во время эпидемий в связи с массовым отказом горожан от ранее привычных форм получения удовольствия.

Автор утверждает, что подобные печатные издания наряду с брошюрами по профилактике здоровья во время эпидемий не только описывали ухудшение репутации работни-

ков индустрии развлечений во время эпидемий, но фактически распространяли знание об опасностях «старых способов» получения удовольствий. Трансформация японской развлекательной культуры периода Мэйдзи (1868–1912) была связана не только с действиями правительства в рамках политики социальной модернизации по западному образцу, но и с реакцией простого народа на эпидемиологическую ситуацию во второй половине XIX века. Именно опасная эпидемиологическая ситуация послужила ускоренной адаптации санитарных норм и правил личной гигиены в общественном сознании и повседневных практиках. Рассматривается частный пример реакции театральной индустрии на перемену в настроениях публики, озабоченной своим здоровьем. В статье показано, что первые инициативы по модернизации театральных зданий исходили от самих представителей индустрии, чутко реагиовавших на настроения городского населения.

О ПУСТЕВШИЕ улицы, темные фасады театров, редкие гости закусовых, озираясь, оплачивают свою еду на вынос и быстрым шагом направляются в «безопасную зону» 500 метров от дома — реальность, с которой в 2020 году столкнулся мир в связи с эпидемией коронавируса. Привычные способы проведения досуга оказались под запретом, и особенно это сказалось на индустрии развлечений. Запрет на массовые мероприятия лишил дохода держателей ресторанного бизнеса, разорил кинотеатры, музеи, выставочные залы, парки развлечений. Недовольство запертых в четырех стенах людей, которые не только остались без привычных удовольствий и свободы передвижения, но и потеряли работу, лишились социальных услуг в виде возможности отправить детей в школу или беспрепятственно посетить медицинские учреждения. Недовольство смешалось со страхом за свою жизнь и здоровье близких из-за реальной угрозы заражения неизвестной болезнью. В условиях пандемии проблема понимания зависимости общего блага от личного решения или действий каждого отдельного гражданина обрела вполне конкретное воплощение. Пример тому — общественное осуждение как реакция на нарушение предписаний по соблюдению «социальной дистанции», ношению масок или домашнего карантина.

При этом сама мысль о влиянии личного выбора каждого из нас на широкую публику не является самоочевидной. Она стала результатом глобальных процессов, протекавших во второй половине XIX столетия, когда в семантическое поле понятия «гражданская ответственность» вошло представление об ответственности лица за заботу о собственном здоровье в качестве необходимого элемента норм общественного договора. Одним из ключевых факторов для выработки такого взгляда на личную ответственность каждого гражданина за здоровье нации в целом стало открытие инфекционной природы пандемических заболеваний XIX века. Это открытие не только привело к установлению стратегических и тактических медико-социальных мер по охране и повышению уровня здоровья граждан, но и кардинально изменило понятия привычного и безопасного.

Здесь мы рассмотрим частный пример того, как на фоне эпидемий холеры и кори в Японии второй половины XIX века трансформировались представления о привычных практиках досуга и развлечений. Индустрия развлечений оказалась в фокусе внимания работы не случайно, ведь именно в отказе от привычных форм удовольствий типичный житель японских городов видел основные меры по предотвращению распространения заболеваний. Как будет показано ниже, самоограничение в отношении удовольствий ради общего блага не только включало меры, навязываемые «сверху» правительством, но во многом было инициативой, исходившей от простых граждан. В доказательство данного тезиса эпидемиологическая ситуация, связанная с упомянутыми вспышками холеры и кори, будет представлена глазами среднестатистического городского жителя. Поэтому в данной статье основным источником выступают иллюстрированные тексты «памяток», распространявшихся среди горожан в целях просвещения относительно превентивных мер по борьбе с болезнями. В представленных изображениях, имевших самое широкое хождение среди населения японских городов, отражен процесс маргинализации привычных форм удовольствий — услаждения глаз зрелищем, а желудка — яствами. Во второй части на материале уже преимущественно письменных источников будет показан процесс адаптации японцев к новым нормам «цивилизованного общежития» через примеры трансформации пространства наслаждений с учетом санитарных норм.

Осьминоги, гречневая лапша, половые связи и другие причины заболеваний

В 1862 году в Эдо (современном Токио) — ставке военного правительства сёгунов династии Токугава, одном из самых крупных и густонаселенных городов мира — с приходом лета разразилась эпидемия кори, «выкосившая» около четверти населения (по разным данным, от 75 до 240 тысяч человек¹). На исходе лета за корью пришла холера, которую окрестили болезнью «внезапной смерти» *корори*, так как больной погибал от сильнейшего обезвоживания организма всего за три–пять дней. Наряду с оспой корь — одно из инфекционных заболеваний, известных на японских островах еще с VI века. Только за период сёгуната Токугава (1603–1868)

1. Yamamoto S. Nihon Korera-shi (The History of Cholera in Japan). Tokyo: University of Tokyo Press, 1982. P. 4.

было описано 13 крупных эпидемий кори, прокатившихся по всей стране, хотя локальные вспышки этого заболевания повторялись с частотой примерно 20–30 лет². Следует сразу оговориться, что, хотя в наши дни корь считается «детской болезнью», при отсутствии вакцинации заразиться может и взрослый человек, ранее ею не болевший. И тем не менее корью в основном болели именно дети до семи лет, поэтому эта болезнь считалась смертельным испытанием и рубежом в жизни ребенка. Как говорили, «раз в жизни нужно пройти этой дорогой» (*хасика-но ё:на моно да*), так как болезнь у человека не повторялась. В отличие от кори холера не была эндемична для Японских островов. Впервые эту болезнь «завезли» в 1822 году торговые суда, следовавшие из Китая. По счастью, волна эпидемии в тот год не достигла города Эдо, затронув часть островов — в основном восточное побережье Кюсю и юг Хонсю. Однако во второй раз, в 1858 году, холера прокатилась по всей стране, обрушившись и на Эдо. Источником инфекции было американское судно «Миссисипи», принадлежавшее флоту commodora Перри. Его военные суда, приплывшие к японским берегам в 1853 году, стали «решающим аргументом» к прекращению 250-летней политики самоизоляции страны и открытию японских границ для международной торговли и дипломатических отношений. Отдельные вспышки заболевания холерой повторялись на протяжении всей второй половины XIX столетия. Но наиболее губительными и крупномасштабными считаются эпидемии 1858, 1862 и 1877 годов. Именно тогда печаталось огромное количество иллюстрированных пособий, брошюр, памяток и листовок, о которых речь пойдет ниже.

Многочисленные народные средства от кори имели хождение с древних времен. Так, распространенной была практика вешать дома в качестве талисмана изображения, которые, как полагали, обладали особыми защитными свойствами. Чаще всего это были небольшие листы бумаги с молитвенными формулами, именами, символами и образами божеств или буддийских почитаемых, которые, как считалось, способны изгнать болезнь и излечить заболевших. Причем приобретались такие изображения не только у монахов, в храмах или синтоистских святилищах. В связи с активным развитием издательского дела и высоким уровнем грамотности населения подобные картинки стали изготавливаться художниками-ксилографами и распространяться среди самой

2. *Katō S. Hashika — Ten'nentō to narabu 2 dai kansen-shōdatta*//Modanmedia. 2010. Vol. 56. № 7. P. 159–171.

широкой публики. Они уже не только служили защитными талисманами, но и стали своеобразной памяткой о том, как ухаживать за больным и чего избегать, чтобы не заболеть корью или холерой, в соответствии с самыми актуальными на тот момент медицинскими знаниями. Эти изображения так и назывались — «картинки кори» *хасика-э* или «картинки холеры» *корори-э*. Особенно информативными они стали в период распространения холеры в 1858 году и в год двойной эпидемии, то есть в 1862 году. Наряду с изданием подробных медицинских инструкций правительство поддерживало печать и распространение таких понятных и иллюстративных «памяток» по профилактике заболеваний, изображавших теперь не только обряды и ритуалы по укрощению болезни — божеств, духов и народных героев, побеждающих демонов, олицетворяющих хворь, — но и предписания врачей, действенные лекарственные средства, обязательно — полезные продукты питания, а также вредные, от потребления которых стоит воздержаться для профилактики болезни. Кроме того, отдельного упоминания требует примечательная серия *хасика-э*, которую можно было бы выделить в отдельный поджанр — сюжетом для них стал экономический кризис, который переживали представители индустрии развлечений.

Например, на гравюре Утагава Ёсифудзи (1828–1887) «Разыгрывание борьбы с корью» (*Хасика тайдзи тавамурэ-но дзу*) 1862 года (рис. 1) изображена сцена битвы с огромным волосатым демоном кори, кожа которого на руках и лице покрыта красной сыпью — отличительным признаком этого заболевания. Однако демона сложно разглядеть за фигурами представителей разнообразных сфер услуг, которые лишились своих клиентов из-за разгула болезни. Внизу картины над головой демона заносит полено человек с кадкой вместо головы, олицетворяющий банщикова, а с другой стороны голову демона ногой попирает продавец *тэмпура* — жареных во фритюре овощей и морских гадов — с плачущим малышом на руках. Выше замахивается кулаками на демона ныряльщица за ракушками *ама* с оголенным торсом. Рядом с демонической лапой мы можем увидеть продавца хорошо известного в Эдо магазина весьма необычных «сладостей». Он держит в поднятой руке веер, а вместо головы у него «фамильный герб» *камон*³. Меж де-

3. Привычных сладких пирожных из рисовой муки *моти* и сахарных леденцов в этой лавке, что зовется «Сласти на многие лета» (*Икуё Моти*), расположенной в районе моста Нихон-баси, покупатель не обнаружил бы. В этой лавке с «четырёхглазым» гербом продавали афродизиаки и другие

монических конечностей с длинным шестом в руках на демона напрыгивает продавец гречневой лапши *соба*, а ниже мы видим обитательницу веселых кварталов с занесенным над головой деревянным подголовником-подушкой. Однако наперерез атакующим с распростертыми руками выступают две фигуры. Одна — обрительный наголо человек с лицом, застывшим в крике. Это врач, что понятно по его облику: он одет в желтое кимоно, поверх которого накинута черная *хаори* с фамильным гербом. Справа от него изображена антропоморфная фигура в зеленом халате и надписью вместо головы — это аптекарь. Почему они защищают демона кори? Дело в том, что перед нами недобросовестные представители своей профессии, которые смогли неплохо нажиться на лечении «чудодейственными методами» и на продаже «волшебных снадобий». В центре композиции на спине демона сурово сдвинул брови и приготовился выхватить меч, чтобы отсечь голову страшной болезни, бог-защитник из Идзумо, отождествляемый некоторыми исследователями с центральным божеством синтоистского пантеона — богом ветра и бурь Сусаноо⁴.

Практически аналогичные по составу группы сражающихся мы можем обнаружить на других изображениях «битв с корью». Так, на гравюре «Изображение борьбы с младенцем-корью» (*Хасикадо:дзи тайдзи-но дзу*, 1862) (рис. 2) демона кори в виде огромного дитяти, который больше напоминает уснувшего Гулливера, опутывает веревкой уже известный банщик с деревянной лоханью вместо головы. Выше с мечами наизготовку мы видим антропоморфные изображения владельца прогулочной ладьи и изготовителя сакэ с красным «рогатым бочонком» *цунодару* вместо головы. К этим уязвленным эпидемией профессиям можно также добавить фигуры с гравюры Утагава Ёсикадзу «Собрание мер по лечению кори» (*Хасика ё:дзё:-сю:*) (рис. 3). С палками наизготовку стоят неизменный банщик, держатели лавок *тэмпура*, *суси*, *соба*, к которым присоединилась *гэйся*, заманувшаяся своим музыкальным инструментом (*сямисэном*) на врача с аптекарем, а ее сестра по несчастью, куртизанка, готова пожертвовать своей длинной курительной трубкой, чтобы изгнать болезнь и вернуть своих клиентов. Почему же демона кори атакуют представители именно этих профессий?

любопытные товары категории «игрушки для взрослых», о чем по вывеске догадаться было сложно. Подробнее см.: *Shunroan S. Edo no seiai bunka: hiyaku hi-gu jiten*. Tokyo: Miki Shobō, 2003.

4. *Hata Y. Edo kōki bungei sakuhin o meguru shoku to yōjō*. PhD thesis. Nagoya University, Kokusai gengo bunka kenkyū-ka, Nihon gengo bunka senkō, 2015. P. 30.

Рис. 1. Гравюра Утагава Ёсифудзи «Разыгрывание борьбы с корью» (Хасика тайдзи тавамурэ-но дзу), 1862

Источник: *Utagawa Y. Hashika taiji tawamure-no zu. Edo, Japan: Sagamiya Tōkichi, 1862.*

Рис. 2. Гравюра Утагава Ёсифудзи «Изображение борьбы с младенцем-корью» (Хасика-до:дзи тайдзи-но дзу), 1862

Источник: *Utagawa Y. Hashika dōji taiji-zu. Edo, Japan: Sagamiya Tōkichi, 1862.*

Рис. 3. Гравюра Утагава Ёсикадзу «Собрание мер по лечению кори» (Хасика ё:дзё:-сю:), 1862

Источник: *Utawawa Y. Hashika yōjō-shū*. Edo, Japan: Yoshimanyahan, 1862.

Причину можно отыскать в текстах медицинских предписаний, расположенных над иллюстрациями *хасика-э*. Первым и главным пунктом в этих мануалах по лечению и предупреждению заболеваний будут стоять рекомендации по диете, а точнее, по продуктам, полезным для укрепления здоровья, и тем, которые следует из рациона исключить. Часто медицинские предписания в *хасика-э* или *корэра-э* («картинках холеры») только и состоят из таких списков продуктов — годных к употреблению и вредных для здоровья больного, а также того, кто хочет избежать заболевания. Среди вредных продуктов числились любимейшие у всех эдосцев лакомства: сырая рыба и другие морепродукты вроде кальмаров, осьминогов и разнообразных ракушек, гречневая лапша *соба*, жирные и жареные продукты вроде *тэмпура*, сладкие рисовые пирожные *моти*, ферментированные бобы *натто*, скоропортящиеся фрукты, сладкий колотый лед, низкокачественное сакэ и холодная вода. Если мы сравним этот список не рекомендуемых к употреблению продуктов с тем ассортиментом, который предлагали многочисленные уличные торговцы и держатели чайных домиков, то поймем, почему на картинках *хасика-э* в битве против кори в авангарде стоят разорявшиеся из-за спада про-

даж изготовители *суси*, поставщики и добытчики морепродуктов, держатели лапшичных и продавцы *тэмпура*. Любопытнее всего, что упомянутые рекомендации по избеганию продуктов напрямую с симптоматикой кори связаны не были: судя по всему, они просто дублировались из аналогичных предписаний по лечению холеры, изданных четырьмя годами ранее при эпидемии холеры в 1858 году.

Особое внимание японцев к рациону связано с тем, что японская медицина периода Эдо была обязана своей теоретической и практической базой китайской медицинской традиции, основанной на комплексных методах лечения, исходящих из философских представлений о взаимодействиях стихий и потоков жизненной энергии внутри организма. Медицинские трактаты общего характера носили название собраний по «культивированию жизни» *ё:дзё:* (по-китайски *yangsheng*) и представляли собой комплексные пособия по здоровому образу жизни. Со второй половины периода Эдо даже самой простой публике был доступен ряд таких адаптированных для повседневных нужд руководств по популярной практической медицине, написанных простым языком и охватывавших такие темы, как диетология, основы физиологии и меры оказания первой помощи⁵. Именно они легли в основу брошюр, информационных и рекламных плакатов, издававшихся во время эпидемии холеры в 1858 году. Как отмечает исследователь японской медицины Судзуки Акихито, сосредоточенность методов лечения на соблюдении особого режима питания была продиктована фактом отождествления японскими врачами холеры с обсуждаемым в классических текстах китайской медицины заболеванием *какура*⁶. Считалось, что заболевание *какура* вызывалось сочетанием двух вредоносных факторов, влияющих на состояние желудочно-кишечного тракта: чрезмерным питанием и охлаждением желудка. По представлениям китайских врачей, при переедании пища, надолго оставаясь в желудке, начинала гнить и вырабатывать ядовитые вещества, что вызывало сильную диарею и рвоту. Во время эпидемии холеры

5. *Daidoji K.* What a Household With Sick Persons Should Know: Expressions of Body and Illness in a Medical Text of Early Nineteenth-Century Japan. PhD thesis. University of London, 2009. P. 5–7.

6. *Suzuki A., Suzuki M.* Cholera, Consumer and Citizenship: Modernisations of Medicine in Japan // *The Development of Modern Medicine in Non-Western Countries: Historical Perspectives*. L.: Routledge, 2008. P. 190.

1858 года японские медики по аналогичной клинической картине быстро отождествили неизвестное заболевание с *какуран*, которым частенько страдали в Азии в летние месяцы, что было прямо отражено на модели лечения холеры. Для предотвращения холеры, как писал знаменитый специалист по западной медицине, *рангакуся* Огата Ко:ан (1810–1863) в работе «Правила лечения *корори*» (*Корори тайдзюн*, 1858), «необходимо избегать вреда от еды *сёкусё:*»⁷. Помимо общих рекомендаций по избеганию переедания и потребления охлажденной пищи, Огата Ко:ан приводит список вредных и полезных продуктов. Этот же список представлен без особых отклонений и в цветных гравюрах, изображающих страшного зверя-химеру *корори* (рис. 4), объединившего в своем облике черты трех животных: тигра, лисицы и енотовидной собаки тануки.

Корори сражала человека стремительно, словно бросок тигра. Изменения в облике больного были столь разительны, что казалось, будто в него вселились животные, которые в японском фольклоре считались оборотнями, — лисица и тануки. Среди многочисленных изображений *корори-э* особенно интересной представляется гравюра 1886 года «Борьба с холерой» (*Корэра тайдзи*) (рис. 5), на которой огромная химера *корори* оскаливает тигриную пасть на бравую бригаду работников санитарного патруля с огромной бутылкой карболовой кислоты. Одетые в военную форму и самурайские доспехи «санитары» щедро поливают демона дезинфектором. За разворачивающимся на гравюре драматическим сражением непросто разглядеть важные для целей настоящей работы детали, а именно определить место действия. По раскиданным предметам на полу возле ложа мы можем точно идентифицировать пространство как комнату в публичном доме: на этот факт красноречиво указывают опрокинутая подушечка-подголовник и курительная трубка, которые мы уже встречали на картинках *хасика-э*. Тут стоит вернуться к другим профессиям, которые несли убытки наравне с продавцами «вредных продуктов».

7. *Ogata K. Korori taijun*, Byōgakutsūron. Vol. 1. Kokuritsu kokkai toshokan, 1900.
URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/995416>.

Рис. 4. Газетная карикатура «Зверь корори» (Корори-дзю); Канаэми-симбун, 1877
 Источник: Korori-jū. Kanayomi Shimbun. 1877.

Рис. 5. Гравюра «Борьба с холерой» (Корэра тайдзи), автор неизвестен, 1886
 Источник: Korera taiji. Tokyo: Tōkyōto kōbunsho-kan shōzō, 1886.

Почему на картинках *хасика-э* и на изображениях изгнания холеры мы неизменно в авангарде встречаем банщиков, куртизанок и *гэйся*? При ответе на данный вопрос мы вновь должны вернуться к мануалам по «культивированию жизни» и открыть главы, посвященные предмету, который сегодня обозначается как «половая гигиена». Во время правления сёгунов Токугава правительство выпустило несколько постановлений о запрете проституции вне

специально огороженных кварталов, называемых *юкаку* («квартал развлечений»), что было связано не с моральным осуждением половых связей вне брака, но с проблемой взимания налогов с работников индустрии. Однако тексты *ё:дзё:* обращают внимание читателей на завсегдаев кварталов развлечений с другой стороны. Как пишет исследователь сексуальной культуры Японии Ангелика Кох, половая активность мужчины возводилась в пособиях по «культивированию жизни» в ранг добродетели, считаясь показателем жизненной силы и энергии. Но вместе с тем, в соответствии с основами китайской медицины, во время полового акта мужчина терял часть светлой энергии *ян*, а потому чрезмерная частота сексуальных контактов приводила к ослаблению жизненных сил и здоровья. Уже в поздних трактатах *ё:дзе:* настоятельно рекомендовалось воздержаться от половых связей «на стороне» и делать выбор в пользу супружеского ложа, когда потеря мужской энергии оправдывается благородной целью продолжения рода⁸. Помимо общефилософских представлений о потере жизненной энергии, мужчину в *юкаку* поджидали и вполне реальные угрозы здоровью. Период Эдо был пиком эпидемии сифилиса, когда распространенность этого заболевания среди городских жителей превышала 10%⁹. Именно куртизанки из «веселых кварталов» рассматривались в качестве источника этого и иных заболеваний, передающихся половым путем. Общие представления об опасности ослабления здоровья и реальная картина быстро покидающих бранный мир красавиц из веселых кварталов, а также их постоянных клиентов послужили включению в стандартный общий набор рекомендаций при эпидемиях холеры и кори пункт о воздержании от интимных связей.

Однако важно понимать, что интимные услуги предлагали не только в борделях, несмотря на запреты. В упомянутых выше банях горожане нанимали уже за значительно меньшую цену банщиц *юна*, предоставлявших те же услуги. Бани также считались хорошим местом для свидания молодых людей: хотя в XIX веке большинство бань уже имели отдельный вход для женщин и мужчин и разделенное пространство для мытья, оставалось множество лазеек для нарушения этого запрета на совместное купание. Заказать «веселую девицу» *юдзё* можно было и в чайных доми-

8. Ogata K. Korori taijun, Byōgakutsūron. Vol. 1. P. 163.

9. Koch A. Sexual Healing: Regulating Male Sexuality in Edo-period Books on 'Nurturing Life' // International Journal of Asian Studies. 2013. Vol. 10. № 2. P. 164.

ках, и при театрах кабуки обычно искали плотских удовольствий любители «мужской любви». Собственно кварталы *юкаку* соседствовали с театральными «городками», которые объединялись в сознании горожан в острова удовольствия, окруженные мягким светом красных фонарей, музыкой, парами алкоголя, дымом от табака и звонким смехом. Вокруг этих кварталов выстраивалась вся система развлекательной индустрии крупных городов, направленная на комплексное развлечение своих клиентов. Зрелища всегда сопровождалась усладой желудка, приятным опьянением, а при желании и плотскими удовольствиями.

Территория, на которой располагались театральные «цехи» *дза* кабуки, бунраку и ракуто, называлась *сибаугоя*. Само понятие подразумевает неразрывную связь между пространством представления (*сибай* — «действие», «зрелище», «постановка») и пространством потребления (*коя* — «лавочки», «забегаловки»). Театр был пространством единения всех четырех сословий, на которые делилось японское общество во время правления сёгунов Токугава. В те дни, когда строго соблюдались сословные различия, театры кабуки и бунраку были одним из немногих мест, где самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы были равны, по крайней мере с точки зрения доступа к удовольствию с условием своевременной оплаты услуг. В зале можно было встретить мужчин и женщин, молодых и старых. Атмосферу и настроение театральных кварталов эпохи Эдо передают красочные гравюры *сибай-э* («театральные картины»), изображающие публику, очарованную не только театральным действием, но и едой, напитками и табаком. Так, гравюра Утагава Кунисада (1786–1865) «Процветание картин танцевальных форм в Эдо» (*Одори кэйё: Эдо-э но сакаэ*) (рис. 6) посвящена постановке пьесы кабуки «Сибараку», но большую часть картины занимает изображение битком набитого зала.

На первом уровне *ракандаи* в центре перед сценой находится самая дешевая зона, но и тут в проходах между головами зрителей снуют разносчики *деката*, предлагающие еду, напитки и табак всем желающим. В простенках между ложами и в проходах мы видим небольшие столики-подносы со сладостями и фруктами, чайники, коробки *бэнто* с обедом. По обеим сторонам от сцены расположены двухэтажные галереи *садзики* для знатной и богатой публики. У таких посетителей театра был свой обычай и распорядок «театрального дня», привязанный к этапам вкушения пищи и называвшийся *кабэсу*. Этот термин состоит из первых слогов трех слов: *каси* («сладости»), *бэнто* и *суси*. Театральный день начинался с неторопливой прогулки до чайного домика. Именно

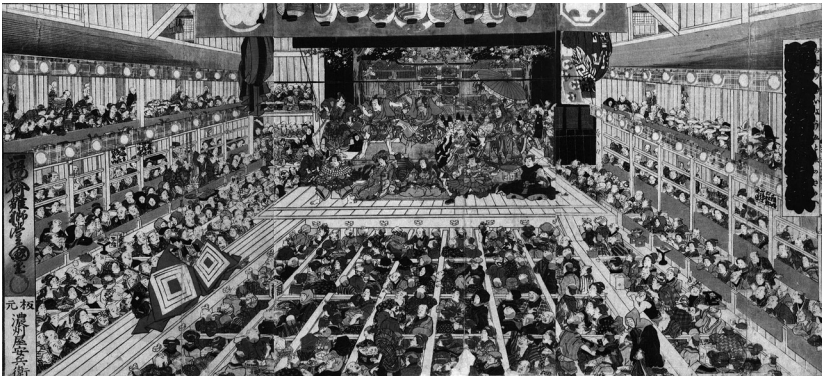

Рис. 6. Гравюра Утагава Кунисада «Процветание картин танцевальных форм в Эдо» (Одори кэйё: Эдо-э но сакаэ), 1858
Источник: *Utawaga K. Odori-keiyō Edo-e no Sakae. Nōshūya Yasube-e, Kokuritsu gekijō, 1858.*

там заранее резервировалось место в ложе *садзика* на определенное количество персон. Из чайного домика гостей сопровождали в зрительный зал вместе с циновками *татами*, чайным набором, сладостями и комплектом для раскуривания табака. По прибытии в театр гостям сначала подавали чай, а чуть позже появлялось *сакэ* и закуски из разнообразных маринадов и *тэмпура*. В полдень зрители принимались за *макуноути-бэнто* («бэнто в антракте»), а вечером угощались фруктами и *суси*¹⁰. Таким образом, чревоугодие было одним из главных стимулов для посещения театра.

Обсуждаемая выше гравюра Утагава Кунисада вышла в печать в июле 1858 года, то есть в разгар эпидемии холеры в Эдо. Если мы сейчас вспомним пункты из списка продуктов, не рекомендуемых к употреблению во время эпидемий, то поймем интенции художника, сконцентрировавшего внимание на изображении наслаждения зрителей. Дело в том, что гравюры *укиё-э* имели вполне определенное практическое назначение, а именно рекламное. Владельцы театров были заинтересованы в привлечении зрителей, несмотря на разгул эпидемии в городе. Однако не стоит рассматривать гравюру Кунисада в контексте пропаганды потенциально опасного поведения. Апеллируя к существовавшей на протяжении двух с половиной веков норме получения удовольствий, автор вряд ли сознательно призывал к нарушению рекомендаций врачей. Он изображал привычный японцам миропорядок, трансфор-

10. *Kawatake T. Kabuki: Baroque Fusion of the Arts / F. Connell Hoff, J. Connell Hoff (trans.). Tokyo: International House of Japan, 2003. P. 72.*

мация которого только начиналась в конце 1850-х годов. Вплоть до начала 1870-х годов театральные постановки во время эпидемий не отменялись, несмотря на серьезные людские потери среди актеров ведущих трупп кабуки в Эдо¹¹, потому что лицемерие представлений напрямую не связывалось с угрозой нанесения вреда здоровью.

От «тени» к «свету»: санитарные нормы и реформирование пространства досуга

В 1870-е годы в Японии началась медицинская модернизация. Ее напрямую связывают с именем отца общественного здравоохранения Японии Нагаё Сэнсай (1838–1902), который возглавил первое Санитарное бюро при Министерстве внутренних дел и заложил основы современной японской медицинской политики. Нагаё участвовал в первой дипломатической миссии Ивакура Томоми в страны Запада (1872–1873), во время которой познакомился с западной медициной непосредственно у ведущих медиков того времени. Западные врачи употребляли непонятные для японца термины «гигиена» и «санитария», аналогов которым в японском языке Нагаё найти не мог¹². Но, проведя немало времени за изучением этих понятий, он пришел к выводу, что в западных странах государство несет ответственность за защиту здоровья своих граждан, причем контроль осуществляется на административном уровне. Поэтому Нагаё Сэнсай организует Санитарное бюро, ответственное за контроль над соблюдением санитарных норм в общественном пространстве, открывает отдельные клиники-изоляторы для зараженных, вводит карантин на территории портов и в военных лагерях, препятствуя распространению заболевания. Однако, как доказывает в своей статье Судзуки, такая форма изложения исторических преобразований в Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912) навязывает односторонний взгляд на историю реформирования жизни народа. Фокусирование исследователей на рассмотрении правительственных преобразований исключает саму возможность проявления инициативы со стороны народа. Между тем японцы чутко реагировали на масштабные преобразования в стране в 1870–1880-е годы. Не только просвещенные элиты, но и самые простые горожане задумывались о реформировании

11. *Hioki T.* Henbō suru jidai no naka no Kabuki: Bakumatsu Meiji-ki Kabuki-shi. Kasama shoin, 2016. P. 45.

12. *Suzuki A., Suzuki M.* Cholera, Consumer and Citizenship. P. 184–185.

своей жизни, что отразилось на культуре потребления и трансформациях в развлекательной индустрии.

Спустя полвека после Реставрации Мэйдзи (1868), в 1933 году, известный японский писатель Танидзакэ Дзюнъитиро напишет в своем знаменитом эссе «Похвала тени»¹³, что японцы до начала модернизации жили в «мире теней», в отличие от западного, слепящего «мира света». Тень казалась им уютным и обжитым пространством. Но, несмотря на яркость рассматриваемых в данной статье цветных гравюр, в театрах, чайных домиках, банях и других пространствах, связанных с получением удовольствий, царил полумрак, который в свете прогрессивной западной медицины обнаружил не только налет благородной старины. Когда мы разбирали «аппетитные» образы, представленные на гравюре Утагава Кунисада, то не учитывали тот коктейль из резких запахов еды, алкоголя и табачного дыма, которые театральная гравюра передать никак не может. На самом деле воздух в *сибай-тё* можно было охарактеризовать не иначе как зловонный. Не было необходимости очищать основной напольный настил, потому что зрители побогаче заказывали себе татами в чайных, а зрители победнее приносили с собой из дома аналогичные тростниковые маты *хан-дзёма*, чтобы сидеть на них во время спектакля. Татами не только служили удобными сиденьями, но и предохраняли одежду от загрязнения. Залитый спиртными напитками липкий пол первого этажа, способный пригвоздить человека к месту, был популярной темой для комических стихотворений *сэнрю*¹⁴. Также, разумеется, с точки зрения естественных нужд человеческого организма обильные еда и питье во время дневных представлений неизбежно приводили человека к желанию облегчиться. Театральные здания туалетами оборудованы не были, и гостям предлагалось посещать такие места заблаговременно дома или в чайных домиках. Отсюда возникала очередная проблема с точки зрения гигиены и дополнительного источника запаха в театральном пространстве. Для поклонников театра этот запах был естественной частью мира удовольствий. Как писал один театрал в записках «Хан Эдо дзиман» в 1777 году, «меня переполняет чувство счастья, подобно визжащей „кян!“ молодой девице, когда я вхожу в театр и в нос мне ударяет запах мочи»¹⁵. Находились среди зрителей и люби-

13. Дзюнъитиро Т. Похвала тени. СПб.: Азбука-классика, 2001.

14. Катията А. Nihonengeki no kindaiка ni okeru ibunka juyo // Meijidaigaku Jinbun Kagaku kenkyūjo kiyō. 2002. № 50. P. 105.

15. Ibidem.

тели весьма специфического запаха свечного воска, сделанного из китового жира. Если в летние, безветренные дни в зданиях театра было тяжело дышать от задымленного и зловонного воздуха, то в зимний период зрителей поджидала иная опасность. Многие гости театров и чайных домиков жаловались на страшный холод, что стоял в зданиях, продуваемых со всех сторон ветром с реки. Канаме, один из персонажей повести «*Некоторые предпочитают крапиву*» Танизаки Дзюньитиро, заметил:

Старомодные театры с их распахнутым всем ветрам пространством и полом, покрытым лишь соломенными циновками, почему-то всегда казались мне холодными¹⁶.

Важным пунктом в мануалах по «культивированию здоровья» были замечания насчет опасности переохлаждений и необходимости держать тело в тепле. По приведенным описаниям несложно догадаться, что пространство «театральных городков» *сибай-тё* и «веселых кварталов» *юкаку* в глазах горожан носило маргинальный характер. Оно несло столько же опасностей, сколько и удовольствий.

Стоит отметить, что предписания соблюдать особый режим питания и воздерживаться от половых связей во время эпидемий сохраняли свою силу даже после открытия инфекционной природы заболеваний и распространения знаний о бактериологии, активно пропагандируемых правительством Мэйдзи. Как отмечает Судзуки, во время очередной вспышки холеры в 1886 году газеты вроде «Ёмиури Симбун» проводили свои исследования экономической ситуации на продовольственном рынке¹⁷. Журналисты писали, что продажи торговцев рыбой упали, а держатели лавочек с морепродуктами и лапшой понесли огромные убытки. При этом наблюдался рост цен на «полезные продукты», ныне ассоциировавшиеся с рационом прогрессивного западного человека: хорошо продавались яйца, птица, говядина, овощи, молоко, крахмальные каши, сухие кондитерские изделия¹⁸. Эти примеры наглядно показывают связь между эпидемией и рынком продовольственных и развлекательных услуг, когда японцы сами меняли рацион питания в ответ на эпидемии, избегая привычных удовольствий. Соблюдение норм эпидемиологического режима утверждалось

16. *Tanizaki J. Some Prefer Nettles* / E. G. Seidensticke (trans.). L.: Vintage books, 2001. P. 20–22.

17. *Suzuki A., Suzuki M. Cholera, Consumer and Citizenship*. P. 196.

18. *Ibidem*.

в качестве основных обязанностей граждан. Но и без правительственных мер и наставлений люди и сами старались соблюдать санитарные нормы.

В условиях эпидемии градостроительные реформы тоже не заставили себя долго ждать, чему способствовали частые пожары в крупных городах, которые порой выжигали целые кварталы до основания. В те дни популярно было выражение: «Пожарами и драками славен Эдо» («*Кадзи то кэнка ва Эдо но хана*»). Чуткие к изменениям во вкусах народа работники сферы развлекательных услуг во многом опережали государственные постановления о введении контроля над соблюдением санитарных норм в общественных местах. В качестве примера модернизации театрального пространства в Японии периода Мэйдзи исследователи обычно приводят Императорский театр, открывшийся в Токио в 1911 году. Императорский театр действительно считался одним из символов вестернизации японского общества. В этом красиво оформленном в неоклассическом стиле здании, социальная значимость которого понятна уже по сумме денег, потраченных на его строительство, отводились отдельные помещения под кафетерии и туалеты. Также было строго запрещено есть и пить в зрительном зале, который ныне заполняли симметричные ряды европейских стульев. Однако Императорский театр был далеко не первым зданием, построенным с учетом новых представлений о цивилизованном и прогрессивном обществе.

В 1880-х годах практически во всех сферах культурной жизни общества началось «движение за улучшение» *кайрё: ундо*. В 1880 году было организовано «Общество усовершенствования театра» (*энгэки кайрё: кай*), начавшее свою деятельность с пересмотра разнужданного репертуара театра кабуки, где главными персонажами в доброй половине пьес являются обитательницы «веселых кварталов». Известный сторонник театральных реформ по западному образцу, литературовед и переводчик пьес Шекспира Цубоути Сёё (1859–1935) писал, что мужчин и женщин естественным образом тянуло вступить в половую связь после театрального представления из-за соседства театров с «кварталами красных фонарей»¹⁹. На фоне очередной эпидемии холеры в 1872 году труппа Моритадза переехала из района Асакуса в район Цукидзи, недалеко от нововыстроенного железнодорожного вокзала Синбаси — центра цивилизации и символа прогресса японской нации. Первые попытки трансформировать само театральное пространство можно

19. Tsubouchi S. Tōsei shosei katagi. Tokyo: Iwanamishoten, 2006. P. 234.

проиллюстрировать строительством в 1881 году первого постоянного здания театра Но в городском парке Сиба. С этого момента меняется восприятие театра исключительно как места получения удовольствий и разрывается ассоциация с «веселыми кварталами». Театр становится репрезентацией и локусом светской жизни нового японского общества. Вслед за новым зданием театра Но появляются и новые «репрезентативные театры» в токийском районе Мияги. Такие изменения в городском ландшафте «вырвали» театральное искусство из традиционного гедонистического контекста. Понятие «театр» обрело и новое имя — *гэкидзэ* («место драмы»), которое было специально разработано, чтобы разрушить ассоциацию с пространством *сибай-тё*.

В 1870-е годы соблюдение чистоты и дезинфекция стали неизменными пунктами в мануалах, издаваемых правительством для просвещения народа. Чтобы избавиться от образа «нездорового» пространства и соответствовать политике правительства в отношении здоровья и гигиены, различные труппы кабуки начали собственную программу обновления театрального пространства. Пионером этих изменений стал театр Морита Каня (1846–1897), который в 1878 году при строительстве нового здания театра в Цукидзи постановил обратить особое внимание на необходимость постоянной циркуляции воздуха в помещениях, а также в целях укрепления здоровья зрителей высадить вокруг здания театра деревья и кустарники²⁰. Новый театр для труппы Хисамацу, построенный в 1879 году, также был оборудован специальной «игровой площадкой» с растениями и фонтанами по всему периметру и смотровой площадкой на крыше, чтобы «сохранить здоровье публики»²¹. Такой вид саморепрезентации использовался в рекламных буклетах, соответствуя новым веянием «эпохи гигиены».

Известный японский писатель, военный врач и самый яркий защитник гигиены Мори О:гай (1862–1922) настаивал на иной модели театрального здания — без особых излишеств (*канбоку нару гэкидо*), то есть без сложного декора. Свою концепцию идеального театрального пространства О:гай раскрывает в статье «Модель театра» (*Gekijo no hinagata*), опубликованной в журнале *New Hygiene Magazine* в 1890 году²². Эта статья знакомит с дизайнерским

20. *Kamiyama A. Nihonengeki no kindaiika ni okeru ibunka juyo.* P. 104.

21. *Ibid.* P. 105.

22. *Itoda S. Engeki jōri no shijin mori ōgai — wakaki hi no engeki gekijō-ron o yomu.* Tokyo: Keiōgi juku daigaku shuppan kai, 2012. P. 52.

планом немецкого архитектора, получившего первую премию за свою концепцию «Идеальная модель театра» на выставке 1882 года. В статье излагаются представления автора о том, что необходимо иметь правильное водоснабжение в театре, определенной длины коридоры для зрителей, гардеробы, зоны отдыха, прогулочные места и туалеты. Огай также рекомендует проводить проветривание сцены дважды в день и один раз в день — зрительного зала. Аромат еды или алкоголя уже не мог проникнуть в основные помещения театра, так как для любителей «старомодных развлечений» имелась отдельная зона буфета. Теперь зрители вдыхали сладкий запах духов, которые приобрели популярность среди японских денди. Таким образом, к концу периода Мэйдзи театр уже ассоциировался с чистым и безопасным пространством с современными удобствами, необходимыми для соблюдения гигиены. Он был освещен электричеством, туда был проведен газ, установлены туалеты и система вентиляции.

Итак, преобразования в индустрии развлечений в Японии второй половины XIX века происходили на фоне волн эпидемий, о чем часто забывают исследователи, сосредоточенные на анализе влияния западной культуры и норм поведения на процесс модернизации японской культуры. Однако, как было показано выше, эпидемиологическая обстановка сыграла важную роль в ускоренной трансформации пространства развлечений и в переходе японского общества из «мира теней» в «мир света». Понимание опасности привычных форм и локусов получения удовольствий, сформированное в общественном сознании в период первых эпидемий холеры и кори, имело решающее значение в последующих этапах принятия преобразований уже на государственном уровне. Медицинские предписания о воздержании от употребления «вредных продуктов» и от вступления в половые связи во время эпидемий холеры и кори, распространяемые через широко тиражируемые мануалы *ё:дзё:* и наглядно представленные в виде иллюстрированных брошюр и плакатов в середине XIX века, формировали потребительский запрос и отношение к привычным формам досуга. Реформирование театрального пространства с учетом гигиенических предписаний и санитарных норм предвосхищало принятие решений о введении соответствующих законов на правительственном уровне. Театры избавились от ярлыка маргинального пространства, отделившись от «островов чувственных наслаждений» — «кварталов красных фонарей» *юкаку* — и превратившись в форму светского досуга горожан.

Библиография

- Дзюнъитиро Т. Похвала тени. СПб.: Азбука-классика, 2001.
- Daidoji K. What a Household With Sick Persons Should Know: Expressions of Body and Illness in a Medical Text of Early Nineteenth-Century Japan. PhD thesis. University of London, 2009.
- Hata Y. Edo kōki bungei sakuhin o meguru shoku to yōjō. PhD thesis. Nagoya University, Kokusai gengo bunka kenkyū-ka, Nihon gengo bunka senkō, 2015.
- Hioki T. Henbō suru jidai no naka no Kabuki: Bakumatsu Meiji-ki Kabuki-shi. Kasama shoin, 2016.
- Itoda S. Engeki jōri no shijin mori ōgai — wakaki hi no engeki gekijō-ron o yomu. Tokyo: Keiōgi juku daigaku shuppan kai, 2012.
- Kamiyama A. Nihonengeki no kindai ni okeru ibunka juyo // Meijidaigaku Jinbun Kagaku kenkyūjo kiyō. 2002. № 50.
- Katō S. Hashika — Ten'nentō to narabu 2 dai kansenshōdatta // Modanmedia. 2010. Vol. 56. № 7. P. 159–171.
- Kawatake T. Kabuki: Baroque Fusion of the Arts. Tokyo: International House of Japan, 2003.
- Koch A. Sexual Healing: Regulating Male Sexuality in Edo-period Books on 'Nurturing Life' // International Journal of Asian Studies. 2013. Vol. 10. № 2. P. 143–170.
- Ogata K. Korori taijun, Byōgakutsūron. Vol. 1. Kokuritsu kokkai toshokan, 1900. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/995416>.
- Shunroan S. Edo no seiai bunka: hiyaku hi-gu jiten. Tokyo: Miki Shobō, 2003.
- Suzuki A., Suzuki M. Cholera, Consumer and Citizenship: Modernisations of Medicine in Japan // The Development of Modern Medicine in Non-Western Countries: Historical Perspectives. L.: Routledge, 2008.
- Tanizaki J. Some Prefer Nettles. L.: Vintage books, 2001.
- Tsubouchi S. Tōsei shosei katagi. Tokyo: Iwanamishoten, 2006.
- Yamamoto S. Nihon Korera-shi (The History of Cholera in Japan). Tokyo: University of Tokyo Press, 1982.

EPIDEMICS AS LEISURE KILLERS: THE TRANSFORMATION OF JAPAN'S ENTERTAINMENT INDUSTRY IN THE SECOND HALF OF 19th CENTURY

ALEXANDRA BURYKINA. PhD student, Zvi Yavetz School of Historical Studies, alexandraburykin@gmail.com.

Tel-Aviv University (TAU), 360A Ramat Aviv, 69978 Tel-Aviv, Israel.

Keywords: Japan; urban culture; ukiyo-e prints; social history of medicine; entertainment culture; measles epidemic, cholera epidemic, modernization of theaters.

From 1858 through the mid-1880s, a network of ukiyo-e painters created numerous prints showing the ways to stay safe from an epidemic disease. Prints about preventing cholera and measles during the epidemics of 1858, 1862 and 1877 were especially numerous. The basic narratives expressed in these prints referred to folk beliefs and general medical prescriptions for preserving health as recorded in the texts on the “cultivation of life” (*yōjō*) that were popular among the commoners of the late Edo period (1603–1868). The article focuses on illustrations of the struggle against cholera and measles, which depict the economic crisis that overtook the entertainment industry during the epidemics as city dwellers abstained from previously habitual ways of seeking pleasure.

The author argues that these prints together with preventive healthcare leaflets that summarized medical knowledge in Japan at that time went beyond impugning the reputation of certain workers in the entertainment industry during epidemics to actually disseminate knowledge about the hazards of the “old ways” of taking pleasure. The transformation of the Japanese entertainment culture during the Meiji period (1868–1912) was brought about not only by the government's efforts to implement its policy of social modernization, but also by the reaction of the common people to the epidemics in the second half of the 19th century. It was the danger from epidemics that accelerated the adaptation of public awareness and common practice to sanitary norms and rules for personal hygiene. A specific example of the theatrical industry's response to the health concerns of the public mood is examined. The article shows that the first initiatives to modernize theater buildings came from figures within that industry as they became acutely sensitive to the mood of the urban population.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-195-215

References

- Daidoji K. What a Household With Sick Persons Should Know: Expressions of Body and Illness in a Medical Text of Early Nineteenth-Century Japan. PhD thesis. University of London, 2009.
- Hata Y. Edo kōki bungei sakuin o meguru shoku to yōjō. PhD thesis. Nagoya University, Kokusai gengo bunka kenkyū-ka, Nihon gengo bunka senkō, 2015.
- Hioki T. Henbō suru jidai no naka no Kabuki: Bakumatsu Meiji-ki Kabuki-shi. Kasama shoin, 2016.
- Itoda S. *Engeki jōri no shijin mori ōgai — wakaki hi no engeki gekijō-ron o yomu*, Tokyo, Keiōgi juku daigaku shuppan kai, 2012.
- Kamiyama A. Nihonengeki no kindai ni okeru ibunka juyo. *Meijidaigaku Jinbun Kagaku kenkyūjo kiyō*, 2002, no. 50.
- Katō S. Hashika — Ten'nentō to narabu 2 dai kansenshōdatta. *Modanmedia*, 2010, vol. 56, no. 7, pp. 159–171.

- Kawatake T. *Kabuki: Baroque Fusion of the Arts*, Tokyo, International House of Japan, 2003.
- Koch A. Sexual Healing: Regulating Male Sexuality in Edo-period Books on 'Nurturing Life'. *International Journal of Asian Studies*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 143–170.
- Ogata K. Korori taijun, Byōgakutsūron. Vol. 1. Kokuritsu kokkai toshokan, 1900.
Available at: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/995416>.
- Shunroan S. *Edo no seiai bunka: hiyaku hi-gu jiten*, Tokyo, Miki Shobō, 2003.
- Suzuki A., Suzuki M. Cholera, Consumer and Citizenship: Modernisations of Medicine in Japan. *The Development of Modern Medicine in Non-Western Countries: Historical Perspectives*, London, Routledge, 2008.
- Tanizaki J. *Pokhvata teni* [In Praise of Shadows], Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2001.
- Tanizaki J. *Some Prefer Nettles*, London, Vintage books, 2001.
- Tsubouchi S. *Tōsei shosei katagi*, Tokyo, Iwanamishoten, 2006.
- Yamamoto S. *Nihon Korera-shi (The History of Cholera in Japan)*, Tokyo, University of Tokyo Press, 1982.